

— Берегите себя.

— Да-да, и ты будь осторожен.

Господин Мун отослал учеников и остался один в кабинете естествознания. На столе лежало пять блокнотов, все они были представлены членами клуба. Они были новыми и безупречно чистыми.

Он открыл блокнот, лежавший на самом верху стопки. Настало время прислушаться к голосам его юных учеников.

«Меня зовут Ан Сунхва. Мне 17 лет, и моя группа крови — В. Я поддерживаю свои оценки на довольно высоком уровне, и мое хобби — чтение комиксов. Мне нравятся манхва. Причина, по которой я вступила в Литературный клуб вместо Клуба манхвы, заключается в том, что клуб манхвы в нашей школе не является действующим клубом».

С этого момента Сунхва довольно подробно писала о своих жалобах на руководство школьного клуба. Разве изначально это не должно было быть самопрезентацией?

Примерно половина того, что она писала, было о комиксах. Когда дело доходило до вещей, которые ей нравились, они описывались в мельчайших подробностях.

«Надеюсь, вы можете считать меня умным и хорошим учеником! Спасибо, господин Мун!»

Она была прямолинейна до конца. У нее хватило смелости говорить о том, что ей нравилось, и господин Мун сразу же представил себе личность Сунхва. Учитывая, что она нарисовала довольно точный автопортрет, это было достойное самопредставление.

Он взял второй блокнот. Это была такая же записная книжка, как у Сунхва, и нетрудно было догадаться, кому она принадлежала.

«Меня зовут Юн Бом. Мне 17 лет, и моя группа крови — А. Мое хобби — чтение. Мне нравятся и комиксы, и художественная литература. Я вступила в Литературный кружок по предложению подруги. У всех здесь, кажется, разные характеры, поэтому я с нетерпением жду возможности стать частью этого клуба. Спасибо, господин Мун».

Вот и все. В пустом пространстве остались следы ластика. Робкая и немногословная, она, казалось, много работала над тем, как представиться. Несмотря на немногословность, было легко определить ее характерные черты. Она делала комплименты группе людей, оказавшимся рядом с ней, когда едва познакомилась с ними. Ее стиль был похож на стиль Сунхва. Ее самопрезентация была сосредоточена больше на других, чем на ней самой.

Возможно, она чувствительна к окружающим.

Немного подумав, господин Мун перешел к следующему блокноту. На нем стояло имя Ким Сокван.

«Господину Муну.

Это Ким Сокван. Я выбрал Литературный клуб в качестве своего первого клуба после окончания средней школы. Причина, по которой я не выбрал другой клуб, который потенциально мог бы выглядеть лучше в моем школьном послужном списке, заключается просто в том, что я не заинтересован в получении хороших оценок. Никому не нравится учиться, но я серьезно презираю, когда меня заставляют что-то делать.

Родители называют меня незрелым. Они говорят, что я буду сожалеть об этом в будущем, но я точно знаю, что сожаление не будет единственным чувством, которое я буду ощущать, оглядываясь на этот момент.

Я люблю книги. Вот почему я вступил в Литературный клуб. Я полюбил книги в тот момент, когда впервые пролил слезы на их страницы. Однажды я заплакал, читая книгу. Это был удивительный опыт. Хотя я не слышал красивую музыку и не мог видеть великолепные цвета, я ощутил движение из глубины души.

Вы никогда не забудете момент, когда вас тронула эта вещь, называемая книгой. Многие люди плакали и смеялись от историй, оставленных великими писателями. Человек может расти только благодаря этому».

Сокван описал себя в конце одной строкой: «Ваш ученик, который влюблен во все истории этого мира, Ким Сокван».

Следующим был Барон. Когда этот парень впервые появился в учительской, господин Мун был искренне шокирован.

— Я хочу рисовать.

Господин Мун тогда ответил:

— Я учитель литературы.

Барон сказал:

— Я в курсе.

— Кто бы мог подумать, что мятежник может быть таким вежливым? — Быстро разрешил ему господин Мун: — Хорошо, что рядом есть хоть один человек, который любит плыть против

течения. Другие могли бы найти в этом мотивацию писать.

Какие вещи рисовал бы художник, ученик учителя литературы?

Господин Мун открыл блокнот и удовлетворенно улыбнулся. Это был очень знакомый рисунок — птица на белом фоне. Это сразу же напомнило ему обложку книги, и он почувствовал небольшое облегчение. Прочитав эту книгу, он должен был что-то почувствовать, что бы это ни было.

Господин Мун взял последний блокнот, принадлежащий У Чжухо. Этого парня было трудно понять. Он казался невинным, но, с другой стороны, зрелым. Он, казалось, был плавучим типом личности, но в то же время он хорошо смешивался с другими. Трудно было сказать, был ли он спокоен или просто рассеян.

«Может быть, его самопрезентация подскажет мне».

Он перевернул страницу.

«О Боже, этот парень».

Может быть, это лучше описать как бриллиант или нечто, не имеющее ограничений? Господин Мун усмехнулся, прочитав название, написанное в первом предложении.

«Насчет жареной скумбрии».

Скумбрию называют голубой рыбой. Ее чистое, маслянистое на вкус мясо достойно называться «свиным брюхом моря». Если эта рыба высокого качества, все, что ей нужно, — это немного соли. В противном случае потребуется немного обрезки. Это делается для того, чтобы устранить рыбный запах.

Приготовьте немного рисовой воды или воды с небольшим количеством соевой пасты. Замочите рыбу примерно на десять минут, затем промойте ее в проточной воде. Запах исчезнет. Если добавить лимон или мелко измельченную редьку дайкон и соевый соус, рыба станет деликатесом.

Я всегда ем жареную скумбрию, которая приготовлена аккуратно. Только мой отец этого не любит.

Ему не нравится, что человеческая рука гасит сущность океана. Даже если это самая крепко пахнущая скумбрия, он говорит, что предпочитает ее той, которая приготовлена по вкусу людей.

Стоя рядом с отцом, тоскующим по утраченной сущности рыбы, я подсознательно представляю себе его, когда она была полна аромата жизни.

В надежде, что сегодня вечером на ужин будет жареная скумбрия, я заканчиваю это сочинение.

Жареная скумбрия».

«Мне нравится», — господин Мун снова перечитал писанину Чжухо. Это было безупречно в качестве самопредставления.

«Я и не знал. Этот парень очень интересный. Хорошо ли сейчас дети пишут без практической необходимости?» — пробормотал господин Мун, думая о молодом писателе.

Чжухо читал в своей комнате, когда он услышал, как открылась входная дверь. Его мать была дома.

— С возвращением.

— Ты, должно быть, проголодался. Я пожарю скумбрию.

— Конечно.

Чжухо чувствовал себя неловко, разговаривая с родителями так непринужденно. В течение уже некоторого времени он разговаривал с ними как следует. Его родители думали, что их сын вырос после перехода в среднюю школу.

— А как же отец?

— Он, должно быть, занят на работе. Он сказал, что опоздает.

Его мать сняла рабочую одежду и сразу же начала готовить на кухне. Как только она вошла в кухню, в доме воцарилась бодрость. Шорох, звук рубки, запах рыбы... Все это слилось воедино и породило аппетитный запах. Опытными руками она быстро заполнила обеденный стол. Она делала это ни день и ни два. Она была точна и искусна. Все, что Чжухо мог сделать, это поставить посуду на стол или зачерпнуть рис в миски.

— Спасибо за еду.

Чжухо взял с тарелки немного белой скумбрии и положил в рот. Мясо было достаточно маслянистым, это делало его текстуру гладкой. Оно прекрасно сочеталось с рисом. Он чувствовал, что может съесть целую миску со скумбрией.

— В школе все в порядке?

— Конечно.

— В последнее время было что-нибудь интересное?

Как обычно, она спокойно спросила о первом дне сына в школе. Естественно, Чжухо рассказал матери о том, что произошло за день. В основном речь шла о том, о чем он говорил со своими друзьями или о забавных вещах, которые говорили его учителя. Когда дело дошло до клубной деятельности, Чжухо выбрал только те вещи, над которыми его мать могла бы посмеяться. В ответ мать Чжухо начала рассказывать о своем дне и о том, что произошло у соседей.

— С этой женщиной невозможно разговаривать. Как будто она из другого измерения.

— Правда?

— Ага! Она даже разговаривает как ребенок.

Затем она изобразила речь женщины. Ее шепелявость была довольно забавной. После того, как они закончили разговор, она, как всегда, добавила:

— Есть вещи, которые должны оставаться в семье. Только потому, что я сказала то, что сказала, ты не можешь рассказывать об этом своим друзьям. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Конечно, я понимаю.

Ее забота о сыне была привычной. Прибравшись, она нарезала хурму. Она была сладкой и приятной. После того, как Чжухо откусил кусочек мягкой хурмы, его мать спросила:

— Как ты себя чувствуешь все эти дни?

На этот неожиданный вопрос Чжухо ответил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты теперь знаменитость. Твои книги хорошо продаются. Ты взволнован?

Мать Чжухо сказала это игриво, но Чжухо не был таким наивным. Он почувствовал беспокойство за ее словами. Должно быть из-за того, что ее сын станет высокомерным от неожиданного успеха. В прошлом бывали такие моменты. Его мать осторожно задавала Чжухо вопросы после ужина, но тогда ее незрелый сын находил ее беспокойство хлопотным.

Должно быть, успех сына застал его родителей врасплох. Они, вероятно, не знали, как правильно воспитывать его в такой ситуации. Если подумать, родители Чжухо всегда делали все возможное, чтобы поддержать его. Он был полностью ответственен за то, что пренебрег их словами и решил не слушаться. Ребенок — это не какое-то существо, которое растет в соответствии с тем, как его воспитывают родители. Причина, по которой жизнь Чжухо подошла в прошлом к такому концу, заключалась в его выборе.

— Это очень интересно.

— И все же ты понимаешь, что не должен слишком загордиться, верно? Все может развалиться в любой момент.

— Я знаю. Вот почему я кладу все свои деньги на сберегательный счет.

— Отлично, это мой сын! Ты — пряность моей жизни.

Чжухо успокоил мать и впервые за долгое время провел с ней время перед телевизором.

— Дорогая, скумбрия слишком подозрительная. У нас есть лимон?

— Это рыба. Так и должно пахнуть. У нас нет лимона, так что тебе придется ее съесть.

Вернувшись поздно с работы, отец Чжухо получил нагоняй от жены после того, как пожаловался на скумбрию.

— Эй, включи другую песню. Что-нибудь захватывающее.

— Понял-понял.

Музыка заполнила класс. Это была новая тенденция — слушать музыку во время перемены, используя компьютер, стоящий в классе. Выбор песен обычно зависел от того, кто сидел перед кафедрой, но в основном это была попса.

Сегодня мышкой владел староста класса и, в отличие от других дней, включил музыкальное

видео иностранной поп-певицы. Увидев сексуальные танцевальные движения, мальчики зааплодировали и засвистели. Даже девочки присоединились.

— Возьми меня, — смех смешался с музыкой.

Покачивая головой в такт песне, Чжухо понял, что ему кажется, будто слова переводятся одновременно со звучанием, и сосредоточился на слушании.

— Почему у тебя такой серьезный вид, когда ты слушаешь песню?

— Мне есть о чем подумать.

Пока он наслаждался песней, Сокван увидел серьезное лицо Чжухо и рассмеялся. Чжухо не обращал внимания и продолжал слушать. Испытав себя в течение нескольких дней, Чжухо понял, что его голова способна переводить с любого языка. Не просто с английского.

Щелчок.

Феномен начался со звука, который раздался в голове Чжухо. Это было странно. Он вспомнил, что видел по телевизору вундеркиндов пяти-семи лет. Эти дети самостоятельно выучили несколько языков и шокировали окружающих взрослых. Неужели эти дети изучают языки, используя те же способности, что и Чжухо?

— Эй, снаружи что-то происходит, — сказал Сокван, не сводя глаз с коридора.

— А?

Едва Чжухо перестал думать и вернулся к реальности, раздался резкий крик. Музыка смолкла, и дети один за другим вышли из класса. Сокван и Чжухо тоже встали со своих мест, чтобы посмотреть, что происходит. Дети, которые шли по коридору, остановились и подошли к месту происшествия. В центре толпы, стоявшей кольцом, ничего не было.

— Что происходит?

— Я действительно ничего не вижу.

Дети подошли поближе, чтобы лучше рассмотреть. Внезапно круг распался и раскололся, как Моисей расколол Красное море. Время от времени раздавались крики. Это не был ни Бог, ни человек. Это была сороконожка, у которой было больше ног, чем кто-либо мог сосчитать.

— О Боже! Она огромна!

— Это так отвратительно!

— Кто-нибудь, убейте ее.

Сороконожка деловито двигалась между ног детей. С точки зрения сороконожки, у этой группы детей, вероятно, было больше ног. Сороконожка, должно быть, уже поняла это: «Мне не следовало приходить сюда».

Чжухо слышал, как учитель говорил, что из-за того, что школа находилась близко к горе, сороконожки были обычной находкой. Вновь поступившие школьники были в полной боевой готовности из-за того, что перед ними появилась сороконожка. Поскольку школа находилась в Сеуле, большинство детей, вероятно, не привыкли видеть их прямо перед своими глазами.

«Она может быть ядовитой».

Извиваясь то ли головой, то ли хвостом, сороконожка подползла ближе. Это была угроза. Эта штука была опасна.

— Давайте убьем ее!

<http://tl.rulate.ru/book/27516/1901315>